

Пролог

Февраль 1983 года

Еще год назад он бы в жизни в это не поверил.

Не поверил бы, что будет стоять в пустом магазине с ребенком в коляске и всерьез раздумывать над полученным предложением.

С коляской ему, конечно, повезло. Он увидел объявление о гаражной распродаже в шикарном районе Северного Оксфорда и не смог удержаться от выгодной покупки. У пары было двое маленьких детей, и они собирались переезжать в Париж. Коляска была как новенькая, с такой и сама королева не постеснялась бы выйти — ну или, по крайней мере, королевская няня. Женщина хотела за нее всего-навсего пять фунтов. Джулиус был уверен, что коляска стоит гораздо больше, просто женщина такая милая попалась. Но последние события как раз и научили его этому — принимать доброту других людей. И побыстрее, пока те не передумали. Так что он забрал коляску, тщательно помыл, хотя она и без того казалась наичистейшей, купил новенький матрасик и одеяла — и вот оно, идеальное гнездышко для драгоценного груза, пока этот самый груз не научится ходить.

Когда дети начинают ходить? Задавать подобные вопросы своей матери — рассеянной, вечно витающей в облаках, живущей в пропитанной запахом пачули квартирке на цокольном этаже на Уэстборн-Гроув — он считал бессмысленным: воспоминания Дебры о его детстве были весьма расплывчатыми. По ее словам, Джулиус начал читать уже в два года, и он не очень-то верил в эту легенду. Хотя возможно, что так оно и было, ведь он не помнил времени, когда не умел читать. Читать было для него так же естественно, как дышать. Так или иначе, он не мог и не желал полагаться на советы матери по воспитанию детей. Он часто думал о том, что выжил каким-то чудом. Мать оставляла его одного в кроватке, а сама просиживала все вечера в винном баре на углу. «Ну а что могло случиться? — говорила она потом. — Я оставляла тебя всего-то на часик-другой!» Возможно, поэтому он так и опекал собственную дочь. Ему было трудно оставить ее одну хотя бы на мгновение.

Он снова оглядел голые стены. Пахло сыростью, а сырость — это катастрофа. Лестница, ведущая на антресоли, прогнила настолько, что подниматься по ней было опасно. Два эркерных окна по обе стороны от входной двери заливали магазин перламутровым светом, дубовый паркет и декоративные завитки на потолке золотились в солнечных лучах. Из-за пыли казалось, что вы попали в другую реальность: в магазин-призрак, который ждет, когда что-нибудь произойдет, ждет, что наступит преобразование, обновление, что он возродится к жизни...

«Изначально тут была аптека, — уточнил риелтор. — А потом лавка старьевщика. Да-да, не антикварный магазин, а самая настоящая лавка старьевщика. Вы никогда в жизни не видели столько хлама!»

Надо бы, конечно, обратиться к профессионалу. Посмотреть документы из строительной конторы, прикинуть, сколько будет стоить вывести плесень, — но голова у Джулиуса кружилась, а сердце бешено колотилось. Это было то, что надо. Он знал это, чувствовал. Два этажа наверху идеально подходили для того, чтобы они с мальшикой жили здесь. Над магазином.

Книжным магазином.

Джулиус начал искать жилье три недели назад, когда решил, что для того, чтобы у них с дочерью было подобие нормальной жизни, необходимо предпринять какие-то действия. Он проанализировал свой опыт, свой потенциал, проверил банковский счет, прикинул, каково это — быть отцом-одиночкой, и понял, что у него есть только один вариант.

Он отправился в библиотеку, взял справочник «Желтые страницы» и положил рядом подробную карту. Обвел Оксфорд кругом радиусом миль пятнадцать, размышляя, каково это — жить в Кристмас-Коммон, или Даклингтоне, или, например, в Гуси. Затем просмотрел список книжных магазинов и поставил крестик на тех городах, где они были.

Окинул взглядом оставшиеся города — те, в которых вообще не было книжных магазинов. Их оказалось полдюжины. Джулиус выписал названия и в течение следующих нескольких дней посетил

каждый из городков, передвигаясь на автобусах с кучей пересадок. Первые три показались ему бездушными и унылыми, это его обескуражило настолько, что он почти отказался от своей идеи, но что-то в названии «Писбрук» ему понравилось, и он решил все-таки туда съездить, прежде чем полностью позабыть о своих фантазиях.

Писбрук находился в центре Котсуолда, на внешнем периметре нарисованного Джулиусом круга, — примерно в этом районе он и хотел жить. Он вышел из автобуса на главной улице, широкой и засаженной деревьями, с тротуарами и всякими разными зданиями. Здесь были антикварные магазинчики, традиционная мясная лавка, торгующая крольчатинной и фазанами, с неизменными сосисками на витрине, большой трактир, пара уютных кафе и сырная лавка. Женский институт устроил распродажу у городской ратуши: там стояли столы, на которых красовались сочащиеся вареньем пироги, груды овощей прямо с грядки и цветочные горшки с темно-фиолетовыми и желтыми цветами.

Писбрук тихо гудел, как пчелиный улей в жаркий полдень. Люди останавливались на улице и разговаривали друг с другом, кафе тоже были переполнены. То и дело звенели кассы: люди с удовольствием и энтузиазмом делали покупки. Нашелся и симпатичный ресторан с лавровым деревом у входа и длинным меню современной кухни под стеклом. Был даже крошечный театр, где играли «Как важно быть серьезным». Хороший знак! Джулиус любил Оскара Уайльда. Он писал по его творчест-

ву работу под названием «Влияние Оскара Уайльда на У. Б. Йейтса».

Джулиус решил, что выбор сделан, но для очистки совести еще раз прошелся по улицам, хотя и опасался найти за каким-нибудь поворотом то, чего видеть совсем не желал. Он был здесь, в Писбруке, и хотел, чтобы этот городок стал его домом — их домом. Однако оставалось загадкой, почему в таком чудесном месте нет книжного магазина.

Ведь город без книжного что человек без сердца.

Жителям Писбрука наличие книжного пошло бы только на пользу. Джулиус представил себе каждого встречного как потенциального покупателя. Вообразил, как они заходят в магазинчик, спрашивают у него совета, а он складывает их покупки в пакет, узнает их предпочтения, приберегает ту или иную книгу для какого-нибудь постоянного посетителя, зная, что она придется ему по душе. Вообразил, как наблюдает за людьми, которые листают книги и радуются тому, что открыли для себя нового автора, целый новый мир.

«А если я попрошу сбавить цену?» — спросил он у агента по недвижимости.

Тот пожал плечами: «Попробуйте».

«Здесь надо столько всего отремонтировать».

«Это учитывалось при оценке».

Джулиус назвал свою цену: «Вот мое единственное предложение. Я не могу позволить себе больше».

Месяц спустя, когда Джулиус подписывал контракт, ему казалось, что это сон. Он был один в целом мире (если не считать его матери, но пользы от нее кот наплакал), зато у него был ребен-

нок и книжный магазин. И когда его малышка протянула к нему растопыренную ладошку, он дал ей подперстаться за палец и подумал, что происходит что-то невероятное. Судьба — удивительная штука.

А если бы тогда, почти два года назад, он не поднимал носа от книги? Если бы он продолжал стоять спиной к двери и переставлять книги в разделе «Путешествия»? Если бы его коллега, а не он занялся той рыжеволосой девушкой?..

И вот шесть месяцев спустя, после нескольких недель, проведенных в пыли и грязи за распиловкой досок, подметанием полов и покраской стен, после нескольких сногшибательных счетов, нескольких моментов самой настоящей паники и потока доставок, на магазине появилась вывеска, выкрашенная в цвет морской волны с золотом. Вывеска гласила: «Найтингейл букс». Там, конечно, не нашлось места, чтобы написать: «Поставщики книг для самых взыскательных», хотя это как раз то, кем и был Джулиус. Поставщиком книг, книготорговцем.

Самым лучшим книготорговцем.

Глава 1

Тридцать два года спустя...

Чем вы занимаете себя, пока ждете, когда ваш близкий уйдет в мир иной?

В буквальном смысле, когда сидите у его постели в пластиковом кресле, ужасно неудобном с точки зрения человеческой анатомии, и ждете, когда он испустит последний вздох, потому что надежды больше нет.

Никакое занятие не могло быть уместным при таких обстоятельствах. Дальше по коридору находилась комната, где работал телевизор, но это казалось каким-то бессердечным, да и вообще Эмилия не любила смотреть телевизор.

Вязать и вышивать она не умела. Разгадывать sudoku — тоже.

Она не хотела слушать музыку, боясь потревожить отца. Самые лучшие наушники пропускают звучание литавр. Это раздражает даже в поезде, а на смертном одре, наверное, и того больше. Она не хотела лазить по Интернету в телефоне, считая это верхом дурных манер двадцать первого века.

И в целом мире не существовало книги, которая заставила бы ее хоть на миг позабыть о реальности.

Так что она просто сидела рядом и дремала. И время от времени просыпалась от страха: вдруг его больше нет, а она и не заметила. Тогда она на несколько минут брала его за руку. Сухую и прохладную, безжизненную. Постепенно рука тяжелела, Эмилии становилось нестерпимо грустно, и она клала руку отца обратно на простыню.

Затем снова погружалась в дрему.

Время от времени медсестры приносили ей горячий шоколад, хотя вряд ли можно так его называть. Он был не горячим, а чуть теплым, к тому же Эмилия была уверена, что при его приготовлении ни один какао-боб не пострадал. Такая себе бледно-коричневая сладковатая жижа.

Лампы ночного света в больнице были тусклыми, с тошнотворным желтоватым оттенком. Отопление было включено на максимум, и казалось, что в палате не хватает воздуха. Эмилия смотрела на тонкое покрывало с узором из оранжевых и желтых цветов и на очертания отца под ним, неподвижного и такого маленького. Несколько бесцветных прядей волос лежали на подушке, обвивая его голову. Раньше у него были такие густые волосы. Он ерошил их пальцами, обдумывая, что посоветовать покупателю, или стоя перед столом с книгами и решая, какую книгу поместить на видное место, или разговаривая с кем-нибудь по телефону. Волосы были неотделимы от его образа, как бледно-голубой кашемировый шарф, который он постоянно носил, дважды обернув вокруг шеи, хотя тот был поеден молью. Эмилия быстро расправилась с молью, как только заметила это. Она

подозревала, что дело в толстом коричневом вельветовом пальто, купленном ею прошлой зимой в благотворительном магазине, и чувствовала себя виноватой в том, что моль пожрала единственную вещь, которую любил ее отец.

Именно тогда он пожаловался, что неважно себя чувствует. Не то чтобы пожаловался, это было не в его духе, просто поставил ее в известность. Эмилия забеспокоилась, но он отмахнулся от нее со своим фирменным стоицизмом, и она перестала волноваться и улетела в Гонконг. Пока на прошлой неделе ей не позвонили.

«Думаю, вам лучше вернуться, — сказала медсестра. — Ваш отец придет в ярость из-за того, что я вам позвонила. Он не хочет вас тревожить. Но...»

Эмилии хватило этого «но». Она вылетела домой первым же рейсом. Когда она приехала, Джулиус притворился сердитым, но то, как крепко он держал ее за руку, сказало ей все, что нужно было знать.

«Он не принимает ситуацию, — сказала медсестра. — Борется. Мне очень жаль. Мы делаем все возможное, чтобы ему было комфортно».

Эмилия кивнула. Чтобы ему было комфортно. Не «мы делаем все возможное, чтобы он поправился», нет. Просто «комфортно».

Казалось, теперь отец не испытывал ни боли, ни дискомфорта. Накануне он с удовольствием съел немного лаймового желе. Эмилия подумала, что от желе у него не так сильно будут сохнуть губы и язык. Когда он открывал рот и вытягивал шею навстречу ложке с дрожащим зеленым лаком-

ством, у нее было такое чувство, будто она кормит маленькую птичку. Потом он, обессилив, откинулся на подушки. Это было все, что он съел за несколько дней. Ему вводили смесь болеутоляющих и седативных препаратов, врачи чередовали их, чтобы обеспечить наилучший паллиативный уход. Эмилия ненавидела слово «паллиатив». Оно звучало зловеще и, похоже, служило синонимом неэффективности. Время от времени отец проявлял беспокойство — то ли от боли, то ли потому, что предчувствовал неизбежное, — и она знала, что в такие моменты лекарства не выполняют свою функцию. Корректировка хотя и проводилась быстро, никогда не действовала сразу. Что, в свою очередь, приводило Эмилию в ужас. Какое-то бесконечное страдание.

Но всему приходит конец. Всему. Надеяться на выздоровление было бессмысленно, точка невозвращения была пройдена. Это было понятно даже тому, кто верит в чудеса. Оставалось лишь молить Бога о скором и милосердном конце.

Медсестра приподняла покрывало и посмотрела на его ноги, мягко проведя по ним рукой. Эмилия перехватила ее взгляд и поняла, что ждать осталось недолго. Кожа была бледно-серой, как у мраморной статуи.

Медсестра поправила простыню, погладила Эмилию по плечу и вышла, поскольку сказать ей было нечего. Оставалось только ждать. Врачи сделали все, что в их силах. Боли не было, по крайней мере так казалось. Обстановка была умиротворяющей, ибо к приближающейся смерти здесь относи-

лись с тихим благоговением. Но кто мог сказать, чего на самом деле хочет умирающий? Может, он предпочел бы, чтобы его любимый Элгар¹ звучал на полную катушку или чтобы ему зачитали прогноз погоды? А может, ему хотелось послушать сплетни и веселые рассказы медсестер о том, с кем они встречались накануне вечером и какое печенье пекли к чаю? Может, он желал отвлечься от мыслей о неминуемой кончине и подумать о разных пустяках?

Эмилия не знала, что ей нужно сделать, чтобы он почувствовал ее любовь, прежде чем уйдет навсегда. Если бы она могла вынуть свое сердце и отдать ему, она бы сделала это. Отдать этому чудесному человеку, который дал ей жизнь, был ее жизнью и сейчас собирался оставить ее одну.

Она шепотом делилась с ним воспоминаниями, читала рассказы и его любимые стихотворения.

Говорила о магазине.

— Я буду заботиться о нем, — обещала она. — Сделаю все, чтобы он никогда не закрылся, пока я жива. И не продам наш магазин Яну Мендипу ни за какие деньги, потому что магазин — это самое важное для меня. Хоть все золото мира предложи. Книги дороже драгоценностей.

Она искренне верила в то, что говорила. Что такое бриллиант? Так, игра света. Он блестит секунду, а книги вечны.

¹ *Эдуард Уильям Элгар* (1857–1934) — британский композитор романтического направления. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Эмилия сомневалась, чтобы Ян Мендип хоть раз в жизни открыл книгу. Она злилась, думая о том, как он потрепал отцу нервы в это непростое время. Джулиус старался держаться, но она видела, что он расстроен, что переживает за магазин, персонал и покупателей. Сотрудники рассказывали ей, как сильно он грустил, и она в очередной раз прокляла себя за то, что уехала так далеко. Теперь она была полна решимости успокоить отца, чтобы он мог спокойно уйти, зная, что его детище находится в надежных руках.

Она поерзала, устраиваясь поудобнее, наклонилась вперед и положила голову на руки у изножья кровати. Она очень устала.

Было два сорок девять, когда медсестра тронула ее за плечо. Это прикосновение было красноречивее любых слов. Эмилия не могла бы сказать, спала она или бодрствовала. Да и проснувшись, она чувствовала себя как-то странно, ей казалось, что все происходит будто в замедленной съемке.

Когда все формальности были завершены и вызвали гробовщиков, Эмилия вышла на улицу, холодную и мрачную. Ей подумалось, что все краски тоже покинули этот мир, но потом она увидела, как красный свет на светофоре у больницы сменился желтым, затем зеленым. Звуки тоже казались приглушенными, будто в ушах после бассейна осталась вода.

Станет ли мир другим без Джулиуса? Пока что она не могла ответить на этот вопрос. Она вдыхала воздух, которым он больше не дышал, и вспоминала о его широких плечах, на которых сидела, ко-

гда была совсем крохой, барабана пятками ему по груди, чтобы он бежал как ветер, зарываясь пальцами в его густые, спадавшие до воротника волосы, с тридцати лет уже тронутые сединой. У нее в руке были серебряные часы с ремешком из крокодиловой кожи, с которыми он не расставался, но в последние дни она сняла их с его руки, не желая, чтобы они травмировали его тонкую кожу, и оставила их на прикроватной тумбочке на случай, если ему понадобится узнать, который час, потому что они показывали более точное время, чем больничные часы, — время, сулившее гораздо больше надежд. Но волшебное время на его часах не смогло изменить неизбежное.

Эмилия села в машину. На пассажирском сиденье лежала пачка мятных леденцов, купленных специально для отца. Она взяла один и положила в рот. Это было первое, что она съела со вчерашнего завтрака. Эмилия рассасывала леденец до тех пор, пока тот не начал драть небо, и на мгновение отвлеклась на неприятные ощущения.

До поворота на главную улицу Писбрука она прикончила половину пачки, и у нее на зубах скрипел сахарный песок. Городок был окутан жемчужно-серым рассветом. Золотистые каменные дома выглядели мрачными без солнечного света. В утренних сумерках Писбрук был похож на унылую даму, оставшуюся на балу без кавалера; но через пару часов выйдет солнце — и город превратится в ослепительную дебютантку, покоряющую всех, кто ее увидит. Это был истинно английский городок, с дубовыми дверьми, забранными решеткой

окнами, мощеными тротуарами, красными почтовыми ящиками и вековыми липовыми аллеями. Никаких уродливых современных коробок, ничего неприятного для глаз, одно сплошное очарование.

Рядом с каменным мостом через ручей, давший название городку¹, и находился «Найтингейл букс», трехэтажное здание с двойным фасадом, двумя эркерами и темно-синей дверью. Эмилия стояла на улице спящего города, где гулял только легкий утренний ветерок, и смотрела на дом, в котором прожила всю жизнь и иного дома не знала. Где бы она ни находилась, чем бы ни занималась, ее комната над магазином была такой же, как всегда, с кучей ее вещей, накопившихся за тридцать два года.

Она прошла в дом через боковой вход и на мгновение замерла, стоя на кафельном полу перед дверью, ведущей в жилое помещение на втором этаже. Она вспомнила, как отец держал ее за руку, когда она была совсем маленькой, и помогал ей взбираться по лестнице. Это занимало немало времени, но она была полна решимости, а отец — терпения. Когда она училась в школе, то бежала по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, с рюкзаком за спиной и яблоком в руке, и вечно опаздывала. Спустя годы она босиком на цыпочках поднималась по лестнице, когда возвращалась с какой-нибудь вечеринки. Джулиус не был особенно строгим и никогда не кричал на нее, просто все так делают в шестнадцать лет, когда слишком

¹ От *англ.* Peasebrook — гороховый ручей.

налегают на пиво и возвращаются домой далеко за полночь.

Слева была дверь, ведущая в магазин. Эмилия толкнула ее и шагнула внутрь. Ранний утренний свет потихоньку проникал сквозь окно. Эмилия слегка вздрогнула, ощутив движение воздуха. Ее охватило чувство ожидания, то самое чувство, будто она перенеслась в прошлое или куда-то в параллельную реальность, которое возникало у нее всякий раз, когда она входила в «Найтингейл букс». Она могла попасть в любое место и время. Но не в этот раз. Она бы все отдала, чтобы вернуться назад, в то время, когда все было хорошо.

Ей казалось, что книги спрашивают ее о новостях. «Он ушел», — хотела она ответить, но ничего не сказала, потому что не доверяла своему голосу. И потому что это было глупо. Книги рассказывают вам все, что нужно, но вы же не вступаете с ними в диалог.

Остановившись посреди магазина, она почувствовала, что ей становится лучше и сердце ее успокаивается. Будто Джулиус все еще был здесь, в окружении книжных обложек и корешков. Он говорил, что знает любую книгу в лицо. Может быть, он и не прочел каждую из них от корки до корки, но он знал, почему они здесь оказались, каков был замысел автора и кто, соответственно, может захотеть их прочитать, от простенькой детской книжки до увесистого и мудреного фолианта.

Пол был покрыт великолепным красным ковром, уже поблеклым и потертым. Вдоль стен тянулись ряды деревянных полок, доходящих до потоло-

ка — чтобы дотянуться до редких книг на самых верхних полках, необходимо было пользоваться лестницей. Художественная литература располагалась в передней части магазина, справочная — в задней, а в центре стояли столы-витрины с книгами по кулинарии, искусству и путешествиям. Наверху, на антресолях, за стеклом хранилась коллекция первых изданий и подержанных раритетов. Джулиус управлял всем этим оркестром со своего места за деревянным прилавком. У него за спиной лежали заказанные книги, завернутые в крафтовую бумагу и перевязанные бечевкой. Здесь была даже старинная касса, поблескивающая хромом; Джулиус нашел ее в лавке старьевщика, он ею не пользовался и держал в ней леденцы, чтобы угощать ими ребятишек, которые были особенно прилежны и хорошо себя вели.

На прилавке всегда стояла наполовину наполненная чашка кофе, который он никогда не допивал, потому что, увлекшись разговором, забывал о нем и кофе остывал. К Джулиусу постоянно кто-нибудь заходил поболтать. Столько советов, знаний, мудрости и, прежде всего, доброты не было ни у кого другого.

Постепенно книжный магазин стал Меккой для всех слоев общества Писбрука и окрестностей. Жители гордились своей книжной лавкой. Она стала местом, куда шли за уютом. И люди стали уважать ее владельца. Даже обожать. Более тридцати лет он питал их умы и сердца, а в последние годы у него появились помощники: приветливая и работающая Мэл, которая занималась прием-